

УДК 81'42(076)

DOI: 10.37482/2687-1505-V132

ШАЦКАЯ Марина Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий (из них 4 – в соавт.), 10 учебных и учебно-методических пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8595-4756>

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ЧАСТИЧНОЙ ЭНАНТИОСЕМИИ В КОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Анализируется механизм развития оценочных энантисемантов в комическом контексте. Цель исследования – описать прагматический эффект, создаваемый при появлении энантисемантов, назвать причины, которые к этому приводят. Эмпирический материал черпался из произведений современных прозаиков – С. Довлатова, А. Снегирева, Е. Попова. В ходе наблюдения за трансформациями лексических единиц в условиях языковой игры с последующим анализом полученных данных было установлено следующее. В результате окказионального употребления лексем и развития в них частичной энантисемии происходит маркирование ядра одной из разновидностей диктема – игрема. Такая прагматическая фокусировка ведет к коннотативным перекодировкам, в основе которых – смещение объекта оценки и/или функционирование нескольких субъектов оценки, различающихся точками зрения в понимании ситуации. Наибольшую активность в данном процессе проявляют лексемы, обладающие высоким уровнем семантической абстрагированности, достаточно широкой сочетаемостью и презентующие самые общие оценки объектов и явлений действительности, которые занимают крайние позиции на аксиологической шкале. Данное парадигматическое явление реже наблюдается в словах с более конкретным значением, которые имеют некоторые ограничения в лексической и/или семантической валентности. Таким образом, в аномальных контекстуальных условиях появившиеся в ходе обозначенных выше процессов энантисеманты становятся маркерами ядра игрема и получают квалификацию прагмем. Тематическая отнесенность игрем достаточно разнообразна, однако при этом чаще всего констатируется следующая их аксиологическая характеристика: сталкиваются утилитарные ценности и оценки отдельно взятого индивида с общепринятыми, декларируемыми большими группами людей (государством, профессиональным сообществом или другим окружением человека).

Ключевые слова: комический контекст, оценочная коннотация, категория оценки, прагмема, эмоционально-оценочная энантисемия, художественный текст, языковая игра.

*Адрес: 400005, г. Волгоград, просп. им. В.И. Ленина, д. 27; e-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Для цитирования: Шацкая М.Ф. Прагматический эффект частичной энантисемии в комическом контексте // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 5. С. 59–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V132

Художественный текст, содержащий языковую игру, может иметь несколько ступеней декодирования. Восприятие всей информации, заключенной в игре, и понимание прагматической заданности контекста зависят от многих факторов: эстетический и культурный багаж читателя, его ценностные установки, а также уровень его лингвистических знаний, которые помогают сориентироваться в концептуальной организации текста и текстовой комбинаторике. По мнению Л.А. Киселевой [1], коммуникативная заданность текста определяет наличие в нем различных информативных подсистем – собственно информативных, обладающих информационной константой, и прагматических, характеризующихся прагматической заданностью. Наше внимание будет сосредоточено на подсистемах второго типа – прагматических, в которых отражена эмоционально-оценочная, эмоционально-языковая, экспрессивная, побудительная и контактная языковая информация.

Цель данной статьи – описать прагматический эффект, создаваемый при появлении энантиосемантов в языковой игре, а также выявить причины, которые к этому приводят. Данный аспект не был описан ни в одной лингвистической работе, что позволяет нам заявить о новизне представленного исследования. Активизация в начале XXI века развития частичной энантиосемии лексем побудила нас выяснить, как протекает этот процесс в таком речевом феномене, являющемся одним из «поставщиков» новообразований, как языковая игра. Материал исследования черпался из современных художественных произведений.

Как известно, в самом языке имеются лексемы, изначально ориентированные на комическое воздействие, что обнаруживается в лексикографических маркерах (словарные пометы «комич.», «иронич.», «шутл.» и др.). Кроме того, контекстуальные условия могут способствовать формированию аналогичного эффекта при помощи слов, не предназначенных для этого. Происходит это за счет актуализации категории оценки, под которой понимается

«совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [2, с. 139].

Языковые единицы, объективирующие ту или иную оценку, в комическом контексте меняют свою коннотацию на противоположную. При этом актуализация их кодифицированного значения будет служить лишь контрастом для того, чтоб декодировать смысл языковой игры. Таким образом, частичное развитие контекстуальной энантиосемии способствует превращению указанных лексических единиц в прагмемы.

Прагмема – уникальное явление в системе средств выражения оценочного значения в русском языке. Ее семантическая структура включает компоненты, соответствующие объекту оценки и оценочному предикату (подробнее об этом см. в работах Т.В. Маркеловой [3], И.Ю. Мысоченко [4], И.А. Ольковой [5], А.П. Савиной [6] и др.). Благодаря имплицитной информации такие языковые единицы становятся одним из средств создания комического эффекта. В языковой игре встречаются лексемы, не обладающие признаками прагмем, однако благодаря специфике их употребления они становятся таковыми. Это приводит к тому, что ядро игры оказывается маркированным с помощью прагматического фокусирования за счет развития частичной энантиосемии.

В зависимости от того, какие семы обуславливают антонимичность значений, Л.Р. Махмутова [7] выделяет номинативную энантиосемию, где на передний план выдвигаются логико-семантические характеристики, и эмоционально-оценочную энантиосемию, где главную роль играют экспрессивно-оценочные оттенки, возникающие в результате функционирования слов в речи. Наше исследование было проведено на материале языковой игры, в которой акцент делается на втором типе энантиосемии, поскольку в формировании данного речевого феномена важнейшую роль играют контекст и различные виды пресуппозиций, чаще всего экстралингвальная. Уточним также, что под

термином *языковая игра* понимается «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [8, с. 86–87]. Кроме того, энантиосемия проявляет себя на уровне синтагматических, парадигматических, стилистических и грамматических характеристик слов, а также зависит от субъекта оценки и объекта оценки.

О.П. Ермакова, исследуя механизмы развития частичной, в т. ч. и «прагматической», энантиосемии на рубеже XX–XXI веков, не без основания отмечает большое влияние иронии на этот процесс [9, с. 65–66], что подтверждает и А.А. Зализняк [10, с. 209]. Лингвисты пишут о развитии в словах, прежде всего в глаголах, противонаправленных прагматических компонентов (желательного и нежелательного результата) и, как следствие, возложении на субъекта ответственности за неконтролируемую им ситуацию и др. С развитием частичной контекстуальной энантиосемии меняется не только коннотация лексемы, но и оценка объекта или явления действительности. Ирония при этом служит показателем изменения в системе ценностей общества. Как пишет О.П. Ермакова, «общественный снобизм, порожденный сильной имущественной поляризацией современного российского общества» [9, с. 71], появился на рубеже столетий. «Единая шкала ценностей уступает место множеству различных систем ценностей», – констатирует Е.В. Какорина [11, с. 71]. Игра на этом аксиологическом многообразии не могла не найти отражение в мире художественной литературы.

Как мы могли убедиться, определение понятия энантиосемии и выявление отдельных разновидностей этого явления – задача трудная и до сих пор до конца не решенная. Ситуация осложняется еще и тем, что на развитие противоположных значений энантиосемантов влияют многие факторы, при этом одним из ведущих является контекст, в котором активизируются

все возможные языковые и внеязыковые средства.

Единицей исследования мы избрали диктему, точнее, ее частную разновидность – игрему. Под термином *диктема* мы понимаем минимальную языковую единицу дискурса, имеющую полевую структуру и принадлежащую к коммуникативному уровню языка. Ядром диктемы является информационный компонент (слово, словосочетание, краткая фраза), на котором и делается акцент. Околоядерную зону формируют компоненты пропозиции, периферию составляют эксплицированные пропозиционные и постпозиционные элементы, а вся имплицитная информация (разные виды пресуппозиций, скрытые категории и т. д.) воздействует как на ядро, так и на периферию диктемы (подробнее об этом см.: [12, с. 179–182]). Выделение особой функциональной разновидности диктемы – *игремы* (термин, введенный в научный обиход Т.А. Гридиной [13], в нашем исследовании переосмыслен) – предложено нами в докторской диссертации [14].

Рассмотрим, как происходит функциональное преобразование лексем в художественных текстах, содержащих языковую игру. Так, в произведении С. Довлатова «Демарш энтузиастов» читаем:

Как-то раз около «Метрополя» я повстречал бывшего одноклассника Секина.

– Где ты работаешь? – спрашиваю.

– В одном НИИ.

– Деньги хорошие?

– Хорошие, – отвечает Секин, – но мало.

– Bravo! – сказал я [15, с. 44–45].

Смещение объекта оценки приводит к трансформации модусной характеристики высказывания: положительным качеством начинают обладать деньги, т. е. заработок, в разговорном выражении *деньги хорошие (платят)* (ср.: *хороший* – ‘достаточно большой, значительный по количеству, величине’ [16, с. 621]). Таким образом, прилагательное *хороший* вначале воспринимается читателями в прямом значении (‘обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий

своему назначению' [16, с. 620]), но за счет формирования антитезы при помощи лексемы *мало* ('в небольшом количестве, в небольшой степени, немного' [17, с. 219]) далее это значение частично редуцируется и развивает в контексте противоположную коннотацию, становясь своеобразным прагматическим маркером ядра игры.

Рассмотрим диалог из книги С. Довлатова «Компромисс»:

Час спустя заглянул редактор:

– *Жюри штрафует вас на два очка.*

– *Какое еще жюри?*

– *Вы забыли, что продолжается конкурс. Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поездки на Запад, в ГДР.*

– *Логично. А худший из худших – на Восток?*

– *Что вы этим хотите сказать?*

– *Ничего. Я пошутил. Разве ГДР – это Запад?*

– *А что же это, по-вашему?*

– *Вот Япония – это Запад!*

– *Что?! – испуганно вскричал Турунок.*

– *В идейном смысле, – добавил я [15, с. 278].*

В конструкции со скрытым отрицанием *Разве ГДР – это Запад?* происходит функциональная замена слова *запад*, которое можно квалифицировать как употребленное в качестве идеологемы – одного «из типов номинативных подмен (так как коннотация подменяет основное денотативное значение)» [18, с. 29]; ср. лексикографическую подачу семантики этого слова в 80-е годы XX века – '(с прописной буквы) Западная Европа, страны Западной Европы' и 'страны Западной Европы и Америки (при противопоставлении странам социалистического содружества)' [19, с. 552]. Это приводит к тому, что положительная и отрицательная оценки как маркеры предпочтительности, заключенные в словах *лучший/худший*, меняются местами, т. е. происходит контекстуальное развитие частичной энантиосемии у этих суперлативов, обусловленное экстралингвальной пресуппозицией.

Разное восприятие информации обусловлено разными позициями субъектов по отношению к объекту наименования: «Для каждого человека значима прежде всего своя собствен-

ная оценочная шкала, а она представляет собой результат совмещения внешних (общих, социально обусловленных) ценностей и системы внутренних, сугубо индивидуальных оценок» [20, с. 235]. Однако это утверждение в языковой игре допустимо не для всех субъектов. Как видно из приведенного выше примера, индивид, провоцирующий отрицательную оценку, вступает в конфликт с носителем нормативной, общепринятой оценки. Читатель, как активный участник художественной коммуникации, тоже может принимать ту или иную позицию героев произведения. Автор помогает ему сделать этот выбор, вводя в текст иронию.

Нарушение семантической однородности (актуализация противоположных оценочных компонентов значений слов *лучше всех/хорошо* и *хуже всех/плохо*) приводит к аномальной характеристике объектов: *Дескать, тот лучше всех, кто сознательно пишет хуже всех* [21, с. 249]. На наш взгляд, такое построение возможно в связи с наличием двух противоположных значений в слове *хорошо* от прилагательного *хороший* (ср.: 'обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению; противоп. *плохой*' [16, с. 620] и 'употребляется для выражения иронического отношения к кому-, чему-либо, пренебрежительно-неодобрительной оценки кого-, чего-либо' [16, с. 621]). На эвфемистичное употребление лексемы *хороший* указывает и Е.П. Сеничкина: *хороший* – 'вместо *сомнительных достоинств*' [22, с. 444].

Можно отметить, что высокий уровень абстрагированности значений лексем *хороший* и *плохой*, их достаточно широкая сочетаемость дают возможность активного развития в них частичной энантиосемии. Реже наблюдается это парадигматическое явление у слов с более конкретным значением, имеющих некоторые ограничения в лексической и/или семантической синтагматике. Приведем ниже такие случаи.

Искажение представления нормы, игра на том, что есть норма, а что является отклонением от нее, происходят в следующей игре благодаря имплицитному проявлению ав-

торской оценки (*нормальный человек* – «→», *ненормальный* – «+»):

Кроме того, человеческое безумие – это еще не самое ужасное. С годами оно для меня все более приближается к норме. А норма становится чем-то противоестественным.

Нормальный человек бросил меня в полном одиночестве. А ненормальный предлагает кофе, дружбу и чулан [15, с. 384].

Диктумная оценка, присутствующая в значении лексем (*ненормальный* – ‘имеющий отклонения от нормы; не такой, каким должен быть’ и ‘психически больной’ [17, с. 456]; *нормальный* – ‘соответствующий чему-либо общепринятому или обычному, положенному’ и ‘психически здоровый’ [17, с. 509]), начинает противоречить модусной, что приводит к появлению прагматических маркеров-энантисемантов.

Рассмотрим следующий пример из произведения С. Довлатова «Компромисс»:

В жизни газетчика есть все, чем прекрасна жизнь любого достойного мужчины.

Искренность? Газетчик искренне говорит не то, что думает.

Творчество? Газетчик без конца творит, выдавая желаемое за действительное.

Любовь? Газетчик нежно любит то, что не стоит любви [15, с. 428].

Положительная оценка, заключенная в прилагательном *достойный* (на наш взгляд, в данном примере присутствует синкретизм значений – ‘вполне соответствующий кому-, чему-либо, обладающий требуемыми достоинствами’ и ‘обладающий высокими положительными качествами; уважаемый, почтенный’ [19, с. 438]), перекодируется в противоположную оценку в связи с последующим блоком фраз, характеризующихся присутствием субъекта восприятия (*любит*), а также агентов ментальной (*думает*) и речевой (*говорит*) деятельности, воплощенных в лексеме *газетчик*. Вынесенные в сильную синтаксическую позицию – начало абзацев – слова получают негативную контекстуальную коннотацию, потому что, во-первых, они структурно презентуют риторические вопросы со скрытым

сомнением и, во-вторых, далее смещается прагматический фокус путем отрицания названных этими существительными чувств и способностей. Как видим, опять имплицитно задействована игра на том, что принято, а что не принято понимать в обществе под определенными номинациями.

В.Г. Гак, рассуждая о роли эмоции и оценки в структуре высказывания и текста, пишет: «Нередко противопоставляются объекты, принадлежащие к разным онтологическим классам, но объединенные в одном прагматическом классе» [23, с. 653]. Мы отмечаем, что такое противопоставление возможно между признаками и объектами, действиями и ситуациями и т. д., что тоже приводит к определенной прагматической фокусировке в ядре игры и развитию частичной энантисемии лексем. Так, положительная оценка, заключенная в слове *интеллигентность* (‘свойство по прилагательному *интеллигентный*’ [19, с. 671], *интеллигентный* – ‘образованный, культурный’ [19, с. 671]), противопоставляется следствию, которое неоправданно, на первый взгляд, вытекает из указанной причины; однако человеческий опыт, к сожалению, часто показывает обратное: воспитанность, высокая культура и нравственность становятся одними из уязвимых сторон человека при общении с социально опасной личностью (и не только): *Теоретически я мог пристрелить его или хотя бы ранить. Мы ведь были на задании. Так сказать, в боевой обстановке. Меня бы оправдали. Вместо этого я снова двинулся к нему. Интеллигентность мне вредила, еще когда я занимался боксом* [24, с. 407]. Таким образом, в языковой игре опять происходит замена положительной коннотации на отрицательную, что приводит к функциональной нагрузке существительного *интеллигентность*: оно становится прагматическим маркером ядра игры.

Социально одобряемый выбор (*быть патриотом*; ср.: *патриот* – ‘тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, родине’ [25, с. 32]) связан часто с альтруистической линией

поведения, однако любая мать желает своему ребенку прежде всего личного счастья: *Катерина была патриоткой, но сыну желала добра* [26, с. 16]. Как видим, контраст, созданный на ложной оппозиции (*патриотка – добро*), в которой патриотизм из высшей общественной ценности превращается в декларируемую (это ценности «самых низких порядков, от которых человек может отказаться в любой момент времени» [27, с. 25–29]), делает существительное *патриотка* прагматическим маркером за счет развития частичной энантиосемии.

Оксюморонизация лексем, представленная в сочетании слов *друзья-подонки* (ср.: *друг* – ‘тот, кто связан с кем-то дружбой’ [19, с. 448], *подонок* – ‘низкий, подлый человек; подлец’ [25, с. 207]), приводит к редукции положительной коннотации существительного *друзья* и ведет к развитию противоположной оценки: «Познакомь меня с кем-нибудь. Желательно с брюнетом. Есть же у тебя *друзья-подонки*?» [15, с. 373]. Это явление происходит в результате того, что для каждого из слов, входящих в оксюморон, субъекты оценки разные: для существительного *друзья* субъект оценки – герой-рассказчик, для лексемы *подонки* – его собеседница.

«Социальные изменения (закрепляющиеся далее в сознании новых поколений. – М.Ш.), находящие отражения в языке, как правило, способствуют разрушению старых семантических оппозиций и образованию новых», – пишет О.П. Ермакова [9, с. 84]. Так, рациональная негативная оценка ситуации (смерть человека) может быть истолкована людьми эмоционально положительно: *Самый ценный подарок новобрачным преподнесла соседка – померла* [26, с. 32]. Смерть дает возможность новобрачным отсудить (присвоить себе) часть коммунальной квартиры. Таким образом, в лексеме *подарок* (‘то, что дарят, что подарено’ [25, с. 173]) редуцируется положительная оценка. (Наличие отрицательной оценки известно во фразеологическом обороте *не подарок* – ‘о человеке неуживчивом, с трудным характе-

ром’ и ‘о чем-либо неприятном, скверном’ [28, с. 509], однако приведенное выше употребление не имеет лексикографической фиксации.) По мнению Е.М. Вольф, оценка зависит от норм, принятых в том или ином обществе или его части на определенном отрезке времени [29, с. 67–71], однако выбор субъекта, как показывают примеры, будет ориентирован на присутствие личной пользы, выгоды, потребности в чем- или в ком-либо. Так отражается отмеченный еще Э. Фроммом [30] разрыв между тем, что современный человек считает своими ценностями, и действительными ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются.

Можно говорить о том, что восприятие семантики лексем в комическом контексте проходит в три этапа. Авторы провоцируют читателей на выстраивание определенных смысловых связей, базирующихся на языковом узусе, что согласуется с мнением Н. Хомского по поводу теории вызванных (вызываемых) значений (мыслей): «...при обычном использовании языка... вызываются мысли, которые мог бы выразить слушающий» (цит. по: [31, с. 49]). Это своеобразная точка отсчета, на основании которой далее будут происходить семантические метаморфозы, затрагивающие периферию значения слов – коннотативные семы. И насколько удачно автор произведения сможет при помощи арсенала лингвальных и внелингвальных средств создать базу для задуманного перлокутивного эффекта, тем быстрее и адекватнее отреагирует на это читатель. При этом получится своеобразный «эффект вспышки»: у реципиента возникнет запланированная, предсказуемая реакция на оценочное содержание слова, словосочетания или предложения, поскольку понимание текста связано со встречной активностью адресата, «который строит гипотезы относительно содержания и формы воспринимаемого высказывания и в этом смысле, базирясь на той же языковой системе и частично совпадающих фоновых знаниях, моделирует предъявленное ему высказывание “по

собственному разумению» [31, с. 49]. Далее, по правилам языковой игры, за счет эффекта обманутого ожидания формируется эффект неожиданности: истинная оценка, вложенная автором, становится понятна за счет различных маркеров, что создает необходимый прагматический эффект. При этом в комическом контексте происходит перекодировка оценочности языковых единиц, т. е. развитие частичной контекстуальной энантиосемии в ядре одной из видовых типов диктемы – игреме, что ведет к появлению новых контекстуальных прагмем.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Прагматическая фокусировка в игреме происходит в результате окказионального употребления лексем и развития в них частичной энантиосемии, связанной с аксиологическими параметрами объектов оценки.

2. Появившиеся в ходе вышеупомянутого процесса энантиосеманты становятся маркерами ядра игремы и получают квалификацию прагмем.

3. Наиболее активно частичная энантиосемия развивается у лексем, имеющих высокий уровень абстрагированности семем и презентующих самые общие оценки объектов и явлений действительности, которые занимают крайние позиции на аксиологической шкале («положительно/отрицательно»).

4. С точки зрения тематической отнесенности аксиологическая характеристика, встречающаяся в играмах, касается многих сфер жизни (финансы, политика, искусство, межличностные отношения), при этом часто сталкиваются утилитарные ценности и оценки отдельно взятого индивида с общепринятыми, декларируемыми большими группами людей (определенный коллектив, государство).

Список литературы

1. Киселева Л.А. Язык как средство воздействия (на материале эмоционально-оценочной лексики современного русского языка). Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1971. 59 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. 694 с.
3. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: моногр. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.
4. Мысоченко И.Ю. Прагматическая заданность лексических единиц с целью создания словесного комического образа (на примере использования комического образа в произведениях О. Генри) // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». 2014. № S30. С. 31–35. URL: <https://e-koncept.ru/2014/14857.htm> (дата обращения: 10.01.2021).
5. Олькова И.А. Прагматическая направленность оценочной семантики языковых единиц // Вестн. Омск. юрид. ин-та. 2011. № 2(15). С. 76–78.
6. Савина А.П. Прагмема как средство выражения оценки: семантика, деривация, грамматика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 256 с.
7. Махмутова Л.Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 204 с.
8. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филол. науки. 2004. № 2. С. 79–87.
9. Ермакова О.П. Активные процессы в лексике и семантике. Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / под ред. Л.П. Крысина. М.: Яз. славян. культур, 2008. С. 33–99.
10. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Яз. славян. культур, 2006. 672 с.
11. Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты // Русский язык / ред. Е. Širjaev. Opole, 1997. С. 61–81. (Najnowsze dzieje jezykow slowianskich).

12. Шацкая М.Ф. Диктема – единица текста или дискурса? // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. 2012. № 17. С. 179–182.
13. Грідина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 566 с.
14. Шацкая М.Ф. Взаимодействие лексической и синтаксической семантики в русском художественном тексте: межуровневые контакты и механизмы аномальных трансформаций при порождении языковой игры: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 460 с.
15. Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. СПб.: Азбука-классика, 2005. 464 с.
16. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. М.: Рус. яз., 1984. 794 с.
17. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М.: Рус. яз., 1982. 736 с.
18. Зененко Н.В. Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе // Полит. лингвистика. 2018. № 4(70). С. 28–34.
19. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Рус. яз., 1981. 698 с.
20. Старостина Ю.С. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2007. № 3(53). С. 232–241.
21. Попов Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов». М.: Вагриус, 2001. 336 с.
22. Сенчикова Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
23. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. 768 с.
24. Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. СПб.: Азбука-классика, 2005. 544 с.
25. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М.: Рус. яз., 1984. 752 с.
26. Снегирев А. Вера. М.: Изд-во «Э», 2016. 288 с.
27. Марьянчик В.А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 272 с.
28. Мокшенин В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
29. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 260 с.
30. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 414 с.
31. Касевич В.Б. Проблемы семантики. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. 304 с.

References

1. Kiseleva L.A. *Yazyk kak sredstvo vozdeystviya (na materiale emotsional'no-otsenочноy leksiki sovremennogo russkogo yazyka)* [Language as a Means of Influence (Based on the Emotional and Evaluative Vocabulary of the Modern Russian Language)]. Leningrad, 1971. 59 p.
2. Kozhina M.N. (ed.). *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2011. 694 p.
3. Markelova T.V. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and Semantics of Means of Expressing Evaluation in Russian]. Moscow, 2013. 297 p.
4. Mysochenko I.Yu. Pragmaticheskaya zadannost' leksicheskikh edinit s tsel'yu sozdaniya slovesnogo komicheskogo obraza (na primere ispol'zovaniya komicheskogo obraza v proizvedeniyakh O. Genri) [Pragmatic Preconceived Lexical Units with the Aim of Creating Verbal Comic Image (for Example, the Use of the Image of the Comic in the Works of O. Henry)]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal "Kontsept"*, 2014, no. S30, pp. 31–35. Available at: <https://e-koncept.ru/2014/14857.htm> (accessed: 10 January 2021).
5. Ol'kova I.A. Pragmaticheskaya napravlenost' otsenочноy semantiki yazykovykh edinit [Pragmatic Features of Evaluative Components of Language Units]. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta*, 2011, no. 2, pp. 76–78.
6. Savina A.P. *Pragmema kak sredstvo vyrazheniya otsenki: semantika, derivatsiya, grammatika* [Pragmeme as a Means of Expressing Evaluation: Semantics, Derivation, Grammar: Diss.]. Moscow, 2017. 256 p.
7. Makhmutova L.R. *Osnovnye tipy enantiosemy v sovremennom russkom yazyke* [The Main Types of Enantiosemy in Modern Russian: Diss.]. Kazan, 2009. 204 p.

8. Skovorodnikov A.P. O ponyatii i termine “yazykovaya igra” [On the Concept and Term *Language-Game*]. *Filologicheskie nauki*, 2004, no. 2, pp. 79–87.
9. Ermakova O.P. Aktivnye protsessy v leksike i semantike. Semanticheskie protsessy [Active Processes in Vocabulary and Semantics. Semantic Processes]. Krysin L.P. (ed.). *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [The Modern Russian Language: Active Processes at the Turn of the 21st Century]. Moscow, 2008, pp. 33–99.
10. Zaliznyak A.A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and Ways of Its Presentation]. Moscow, 2006. 672 p.
11. Kakorina E.V. Stilisticheskie izmeneniya v yazyke gazety [Stylistic Changes in Newspaper Language]. Širjaev E. (ed.). *Russkiy yazyk* [The Russian Language]. Opole, 1997, pp. 61–81.
12. Shatskaya M.F. Diktima – edinitsa teksta ili diskursa? [Dicteme – Is It a Text Unit or a Discourse Unit?]. *Mova: Naukovo-teoretichniy chasopis z movoznavstva*, 2012, no. 17, pp. 179–182.
13. Gridina T.A. *Assotsiativnyy potentsial slova i ego realizatsiya v rechi (yavlenie yazykovoy igry)* [The Associative Potential of a Word and Its Implementation in Speech (the Language-Game Phenomenon): Diss.]. Moscow, 1996. 566 p.
14. Shatskaya M.F. *Vzaimodeystvie leksicheskoy i sintaksicheskoy semantiki v russkom khudozhestvennom tekste: mezhurovevnye kontakty i mekhanizmy anomal'nykh transformatsiy pri porozhdenii yazykovoy igry* [The Interaction of Lexical and Syntactic Semantics in the Russian Literary Text: Inter-Level Contacts and Mechanisms of Abnormal Transformations at Language-Game Generation: Diss.]. Volgograd, 2010. 460 p.
15. Dovlatov S. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg, 2005. 464 p.
16. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow, 1984. 794 p.
17. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow, 1982. 736 p.
18. Zenenko N.V. Politicheskaya ideologema v ispanskom publitsisticheskom diskurse [Political Ideologeme in Spanish Publicistic Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no. 4, pp. 28–34.
19. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, 1981. 698 p.
20. Starostina Yu.S. Interpretatsiya lingvisticheskoy otsenki v terminakh aksiologicheskikh suzhdeniy [The Interpretation of Linguistic Evaluation in Terms of Axiology]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 3, no. 232–241.
21. Popov E. *Podlinnaya istoriya “Zelenykh muzykantov”* [The True Story of the “Green Musicians”]. Moscow, 2001. 336 p.
22. Senichkina E.P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]. Moscow, 2008. 464 p.
23. Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow, 1998. 768 p.
24. Dovlatov S. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. St. Petersburg, 2005. 544 p.
25. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow, 1984. 752 p.
26. Snegirev A. *Vera*. Moscow, 2016. 288 p. (in Russ.).
27. Mar'yanchik V.A. *Aksiologichnost' i otsenochnost' media-politicheskogo teksta* [Axiology and Evaluativeness of Political Media Texts]. Moscow, 2013. 272 p.
28. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, 2007. 784 p.
29. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, 2002. 260 p.
30. Fromm E. *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and Ethics]. Moscow, 1993. 414 p.
31. Kasevich V.B. *Problemy semantiki* [Problems of Semantics]. St. Petersburg, 2019. 304 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V132

Marina F. Shatskaya

Volgograd State Socio-Pedagogical University;

prosp. im. V.I. Lenina 27, Volgograd, 400005, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8595-4756> e-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

THE PRAGMATIC EFFECT OF PARTIAL ENANTIOSEM IN A COMIC CONTEXT

This article analyses the mechanism of development of evaluative enantionyms in a comic context. The study aims to describe the pragmatic effect created by enantionyms and identify the reasons behind it. The empirical material was selected from the works of the following modern writers: S. Dovlatov, A. Snegirev, and E. Popov. The author of this paper observed the transformations of lexical units in the conditions of a language-game and subsequently analysed the obtained data. The following was established: as a result of the occasional use of lexemes and the development of partial enantiosem within them, the core of the unit of language-game (a type of dicteme) gets marked. This pragmatic focus leads to connotative recoding, which is based on shifting the object of evaluation and/or on the functioning of several evaluation subjects that differ in their point of view on a situation. The most active in this process are lexemes that have a high level of semantic abstraction and a fairly wide combinability and present most general evaluations of objects and phenomena of reality that occupy extreme positions on the axiological scale. This paradigmatic phenomenon is less frequently observed in words that have more concrete meanings and are somewhat limited in terms of their lexical and/or semantic valence. Thus, under abnormal contextual conditions, enantionyms that developed in the course of the above-mentioned processes become markers of the core of a language-game unit and take on the qualities of a pragemme. Thematically, units of a language-game are quite diverse; however, their most frequent axiological characteristic is as follows: the utilitarian values and evaluations of an individual collide with those generally accepted and declared by large groups of people (the state, professional community or other environment).

Keywords: *comic context, evaluative connotation, category of evaluation, pragemme, emotional-evaluative enantiosem, literary text, language-game.*

Поступила 03.05.2021

Принята 15.10.2021

Received 3 May 2021

Accepted 15 October 2021

For citation: Shatskaya M.F. The Pragmatic Effect of Partial Enantiosem in a Comic Context. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 5, pp. 59–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V132